

ПОЭЗИЯ

К 75-летию со дня рождения Анатолия Парпары

Скорее всего, бог русской литературы не Аполлон, а Христос. Главное в русской литературе всегда — это этическая проблема. То есть иерархия добра и зла. Если неким образом человек не различает добро и зло, то, имея верификационный талант, он всё равно не русский писатель.

Ты пришёл на землю с добром, Толя! Ты посмотри, кто только не объявлял себя вершиной русской поэзии! Но как? Они объявляли: “Если будет Россия, значит, буду и я!” В те годы, когда жизнь была впроголодь, не было ни пенсий, ни пособий, ни один из тех, кто претендовал на главное место в русской литературе, никогда не посочувствовал своему народу. Посмотрите, что они писали! Зачем это, написанное ими! Даже если бы они прекрасно писали, но когда это не добро, то это, значит, не русская литература, это, значит, не русский писатель. Любой человек, любой национальности, если приходит с добром, если он принимает на себя православно-христианскую мораль, будь он атеист, будь он татарин, хоть кто, — он русский писатель. Потому что он воспринимает и принимает великую традицию.

Недавно мы вспоминали Владимира Николаевича Соколова. Боже мой! В 1958 году я был в семинаре, которым руководил Ярослав Смеляков. И Владимир Николаевич там был. Я помню его доброжелательность. Он — чудо русской литературы. И ты для меня — чудо, потому что в эти годы ты вёл себя так, как полагается русскому писателю, а это, как я считаю, высокое звание.

Владимир КОСТРОВ

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

РАЗДУМЬЯ О РОДИНЕ

* * *

Выносит тихая полночная дорога
На холм большой в густую синеву,
И я сажусь, чтоб отдохнуть немного,
В глубокую и нежную траву.

И слышно мне, как на лесных рябинах
Росой полощут горло соловьи
И начинают в честь своих любимых
Лирические звонкие бои...

И слышно мне, как в понизовье где-то
Проходит осыпь яблочных плодов,
Как будто бьет в тугую грудь планеты
Крутой волною океан садов...

Земля моя! Дивлюсь твоим истокам,
Преодолевшим тысячи скорбей
От старины, былинной и далёкой,
До жуткой были памяти моей.

Какие смерчи жгли твои отавы,
И смерть суровый предъявляла счёт,
Но в рост великий выгоняешь травы
И наделяешь мужеством народ!

И памятуя боли лихолетья,
Не помнишь ты, сердечная, о зле...
Россия, Русь, цветы тысячелетья
И радуй всех живущих на земле!

ПЛОЩАДЬ КРАСНОЙ АРМИИ

На площади Руде Армады,
Где чист безмятежный зенит,
Где хиппи джинсовое стадо
На лавках разнеженно спит,

На площади Руде Армады,
В Бехине — простом городке,
Где, пиву холодному рады,
Мужчины сидят в погребке.

На площади Руде Армады,
Где детство беспечно шалит,
Где, всех одежая прохладой,
Фонтан свои воды струит.

На площади Руде Армады
Доска небольшая висит:
И фотовитрина отрадно
Мне душу сейчас веселит.

На карточке — год сорок пятый.
Победный, неистовый гул.
И парень из Руде Армады
Вольготно гармонь распахнул.

Я в мае ликующем не был,
Но вижу: народ — ликовал.
Недаром талантливо Незвал
Об этом стихи написал.

Но взгляд мой невольно грустнеет,
Ведь память о радостных днях,

Как фотобумага, желтеет
В мещанских, беспечных умах.

Иные печали, утраты,
Иной счёт безмерных обид...
На площади Руде Армады
Доска неприметно висит.

Но тот, кто изведал руины,
За рабство фашистское стыд,
Подолгу у фотовитрины
С внучатами вместе стоит.

ОТЕЦ И СЫН

Мужчина неожиданно услышал,
Как сын его заказывал кукушке,
Известной бескорыстием вещунье,
Срок указать, какой определила
Неверная судьба его отцу.

А надо знать: последние два года,
Измученный жестокою болезнью,
Усиленной несправедным леченьем,
Он испытал страдания сверх меры,
Но не ожесточился дух его.

И мальчик замер, слыша, как вещунья
Три раза прокукукнула и смолкла.
— Ещё! Ещё! — он сердцем умолял.
И птица неохотно уступала,
И глухо было редкое ку-ку.

Был голос мальчика и звонок, и настойчив,
И долго длился этот поединок...
Когда же счёт перевалил за тридцать,
Не смог сдержать мужчина свои слёзы,
И пролились они, как сок берёзы,
На молодой апрельский, жёсткий мох.

* * *

Над Бештау клубится туман,
Оседает на шубу лесов.
А вослед неотвратно в проран
Птичьих хлынул поток голосов.

Как по Божьему Слову, весь мир
Был озвучен на сотни ладов.
И наполнился синью эфир,
И осмыслилась жизнь городов.

И замедлив привычный свой бег,
Отряхнувшись от бед и страстей,
Так пронзительно вновь человек
Вспоминает о сути своей!